

войска («зеленые»), воевавшие, по мнению наших солдат, «никудашно», проявляли чудеса ловкости при «проческе» кишлаков, ухитряясь выносить оттуда все подчистую вместо того, чтобы искать укрывшихся душманов³⁶.

По обе стороны находились люди, связанные племенными и родственными узами, продолжавшие поддерживать тесные взаимоотношения, обмениваться «ценной информацией». Так, например, планирование крупномасштабных боевых операций штабом 40-й армии велось во взаимодействии с Генштабом афганской армии через аппарат военных советников, и «нередко секретные сведения о предстоящей операции прямым из афганских штабов попадали в руки моджахедов»³⁷. Естественно, что подобные факты не способствовали росту симпатии у советских военнослужащих к «союзникам». Анкетирование бойцов спецназа выявило интересную особенность в их отношении к афганцам. Так, один из солдат кандагарского батальона признался: «Честно говоря, я «духов» больше уважал, чем местных коммунистов. «Духи» не прятались за чужими спинами, как царандоевцы или «зеленые» за нашими. Они все-таки защищали свою Родину и свои дома, да и воевали они лучше, чем наши союзники». При оценке боевых и моральных качеств исламских партизан приводились такие характеристики, как «у них высокая боеспособность», «прирожденные воины», «противник вовсе не глуп»³⁸. Победами над таким врагом можно было по праву гордиться, а «союзников», от которых каждую минуту ждали предательства, — только презирать.

Это была весьма своеобразная война, иноземцы оказались в ней явно лишними, сыграв отнюдь не умиротворяющую роль, как это изначально планировалось, а явившись невольным катализатором нарастающей напряженности. Несмотря на то, что в ходе боевых действий СССР вовсе не понес поражения, он не мог и выиграть в широкомасштабной повстанческой войне, победа в которой регулярных войск в принципе невозможна.

На личном опыте сотни тысяч советских военнослужащих убедились, что пришли в совершенно чужую страну, оказались в абсолютно непонятной и чуждой социокультурной среде и выполняли неблагодарную роль, поддерживая своими штыками неадекватное этой среде центральное правительство. Фактически это была роль соседа, вмешавшегося в «семейную драку», не уяснив ее сути, да еще пытавшегося учить одну из сторон своим правилам и нормам поведения. Соваться в чужой, да к тому же мусульманский средневековый «монастырь» было делом заведомо проигрышным и безнадежным. Вот только расплачиваться за недалекость политического руководства пришлось «ограниченному контингенту». И его отнюдь не туристическое знакомство с исламским миром дорого обошлось не только воинам-«афганцам», но и нашей стране в целом.

Итоги этой войны можно рассматривать не как военное, а как политическое поражение, учитывая то, что советское руководство не только вынуждено было по политическим мотивам вывести свои войска из Афганистана, но и допустило грубую стратегическую ошибку, полностью бросив на произвол судьбы своего недавнего союзника — революционное правительство Наджибуллы, имевшего достаточно прочные позиции и нуждавшегося для удержания власти преимущественно в финансовой и материально-технической поддержке. Результатом стало его свержение, развязывание еще более кровавой гражданской войны в Афганистане и рост влияния исламских фундаменталистских сил. Неблагоприятный для СССР исход Афганской войны во многом стал стимулом или косвенным фактором для разжигания внутренних племенных, межэтнических и религиозных конфликтов в пограничных с Афганистаном среднеазиатских республиках, особенно в Таджикистане. В результате центрально-азиатский регион замкнул дугу нестабильности вдоль южных рубежей сначала СССР, а затем и постсоветской России.

* * *

Для российского исторического сознания весьма противоречивой оказалась память об Афганской войне (1979–1989), о которой, пока она шла, в стране почти ничего не знали, а когда она завершилась, начался период острой политической борьбы, трансформации и распада советской системы